

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

ОСТРОВ УБИЙЦ

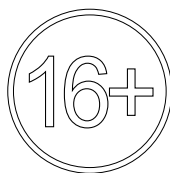
СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

**ОСТРОВ
УБИЙЦ**

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
М14

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Алексей Безруков*

ISBN 978-617-12-7714-4 (PDF)
ISBN 978-617-12-7444-0

- © Майдуков С. Г., 2020
- © Depositphotos / tolokonov; popomarencko; doncon402; zefe-rli@gmail.com; 4559585, обложка, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ГЛАВА 1

ОДИН В ПОЛЕ

По краю поля тянулась лесополоса, облитая белой пеной цветущих абрикосов. Оттуда бил крупнокалиберный пулемет, и наверняка вся земля там была усыпана лепестками, похожими на снег.

— Прижали, суки, — пробормотал Мирон.

Лицо у него почти не отличалось цветом от пыльных берцов, зубы и белки глаз блестели, как фарфоровые. В таком виде только Отелло играть. *Молилась ли ты на ночь, бляха-муха?*

— Темноты надо ждать, — сказал Артем. — Ночью выберемся.

— Куда ты выберешься, нах? — мрачно спросил Мирон. — Да еще в темноте. Как ты себе это представляешь?

Вопрос был риторический, но задан по существу.

Поле, в какую сторону ни поверни, было минировано-переминировано. Это чудо, что Мирон с Артемом до сих пор пребывали в целости, а не состояли из кишок и конечностей, разбросанных как попало. Спасаясь от обстрела, они сползли с проторенной самовольщиками тропы и теперь не знали, как на нее вернуться. Вот тебе и затарились водочкой. Из тех двоих, что с ними шли, двухсотых слепили в самом начале, влепив из калаша чуть ли не в упор. Мирона и Артема пока бог миловал, хотя это как посмотреть. Теперь, когда подтянули «Утес», шансов уйти с поля живыми, практически, не было.

— Разве что бегом рвануть? — задумчиво произнес Мирон.

— Вот именно что рвануть, — сказал Артем. — Бесплатное пиротехническое шоу. Потом лежишь такой, а твоя же задница к тебе лягухой подсакивает и вежливо так спрашивает: «Извините, это не вы меня потеряли?»

Их истеричный смех был прерван рокотом заработавшего «Утеса». Пулеметчик бил наугад, стремясь заставить залегших бойцов запаниковать и обнаружить себя. Очереди были короткие и расчетливые. Дых-дых-дых. Дых-дых-дых... Потом еще отрывистее: дых-дых... дых... дых... И вдруг быстро, не умолкая: ды-ды-ды-ды-ды-дых!

— Как думаешь, полезут они к нам? — спросил Мирон, посерьезневший, словно распознав в тарахтении пулемета некое пророческое послание, не сулящее ничего хорошего.

— Оно им надо? — поморщился Артем. — Минами закидают и все дела.

— Так нет у них миномета вроде.

— Для такого дела найдут.

— Падлы, — сказал Мирон, ворочаясь в своей броне, как черепаха в панцире.

— Если выберусь, уеду к такой-то матери, — заявил Артем, просовывая пальцы под шлем, чтобы почесать взмокший лоб.

Солнце припекало не по-майски жестко. Продержаться по такой жаре до ночи будет непросто. Но придется. И отходить по минному полю тоже придется, никуда не деться. Подмоги не будет. Отправляясь вчетвером за спиртным и сигаретами, бойцы, естественно, никого не поставили в известность о своей затее. Сами кашу заварили, самим теперь и расхлебывать.

— У тебя фляга полная? — спросил Артем.

— Свою посеял, что ли? — буркнул Мирон недовольно.

Ему определенно не хотелось делиться водой. Понять его было несложно. Артем и сам не любил выручать растяп,

отказывая себе в чем-то необходимом. Вместо ответа он протянул свою флягу, пробитую и смятую пулей.

— Повезло, — оценил Мирон. — Ты счастливчик, Артемка.

— Счастливчиков пулеметным огнем на минных полях не прижимают. Они сейчас в кафешках и на пляжах. С девочками.

— А мы за них тут корячимся. Кровь, блин, проливаем.

— Лично я сам за себя, — возразил Артем. — И за бабки.

— Молчит, — сказал Мирон, имея в виду пулеметчика. — Небось, миномет подтаскивают. Нужно отходить, — заключил Мирон. — Давай по очереди. Сперва я, потом ты.

— Договорились. По пятьдесят метров.

— Я что, хреном их отмерять буду — метры?

— Ну считай тогда.

— До ста?

— Давай лучше до трехсот, — предложил Артем. — Получится минут по пять. Потом меняемся.

— За пять минут можно десять раз подорваться, — сказал Мирон.

— Хорош торговаться. Пошли. Ща поглядим, какой я счастливчик.

С этими словами Артем бойко пополз прочь от лесополосы. Мирон, поколебавшись, пристроился за ним.

— Мне считать или ты будешь? — пропыхтел он.

— Не надо считать. Я первым до конца пойду.

— Крутой больно?

— Подкрученный.

Артем умолк, экономя кислород, которого уже не хватало. Размеренно отталкиваясь коленями и виляя задом, он старался не думать о том, что каждый бугорок, каждая впадинка могут таить в себе смерть. Пока что враг их не обнаружил, и то хорошо. Они ползли вдоль едва заметной ложбины, пересекающей поле. Его давно никто не перепахивал,

и комья успели затвердеть и слежаться. Бурьян торчал редкими клочьями, как борода у китайца. Хреновое прикрытие, но уж какое есть.

— Сука, — выругался позади Мирон. — И где только взялась на нашу голову? Пошла вон! Вот же увязалась!

Оглянувшись, Артем увидел худющую псину, которая неспешно трусила следом, явно рассчитывая на подачку от людей.

— Это кобель, — сказал он, приглядевшись.

— Какая, хрен, разница? Нам от этого не легче. По ней нас вычислят.

Мирон как в воду глядел. «Утес», вражина, ожил в лесополосе, полоснул по полю длинной очередью. Пса словно корова языком слизала — не поймешь, то ли удрал, то ли разлетелся в клочья. Товарищи вжались в землю, плюща физиономии. Рты и глаза наполнились пыльной трухой. Думать стало невозможно. Мысль была одна на двоих, двухсложная, без конца повторяющаяся, бесполезная.

Хана. Хана. Хана.

Когда пулеметная долбежка прекратилась, Артем очумело заморгал слезящимися глазами. Над взрыхленной землей висело серое марево. Артем чихнул, ударившись носом о землю. Потом еще и еще, уже удерживая голову в тяжелой каске.

— Ух ты! — сказал Мирон. — Суточный боезапас в нас выпустили. Может, теперь угомонятся?

— Я так не думаю, — сказал Артем. — Чем еще... чих! Чем еще им заниматься? Друг на друга дрочить? Веселее нас убивать.

Его слова подтвердились очень скоро.

Жах! В бурьяне, метрах в сорока, не больше, рвануло, подбросив тучку пыли, плавно поплывшую по ветру, подобно мультяшному призраку. Мирон хотел как-то это прокомментировать, но рвануло опять, немного ближе. По спинам и шлемам застучали комья земли.

— Кажись, из АГСа забрасывают, — сказал Мирон.

— Главное, чтобы из миномета не сыпанули, — сказал Артем.

— Не станут они себя обнаруживать из-за нас двоих. Гранаты пулять — это одно. А трубу наши сразу вычислят. Ответку пошлют.

— У них азарт разыграл. Сдавай назад. В ложбинке, может, не зацепит.

Едва они отступили, пятясь, как впереди поднялся взрыв, похожий на грязный куст, а потом такие кусты начали вырастать там и сям, пытаясь отыскать двоих людей, пережидających обстрел совсем рядом.

— Десять, — насчитал Артем, когда миномет умолк. — Ящик расстреляли. Теперь успокоятся. Разве что снайпера поставят раненых добивать. — Тебя зацепило?

Мирон промолчал. Артем, не поднимая головы, вывернул шею, чтобы посмотреть назад. Он увидел, что из каски товарища торчит зазубренный кусок железа, как если бы каску эту приколотили к голове гвоздем. Намертво.

— Ах ты, — пробормотал Артем. — Что ж ты так...

Ему было не только жаль Мирона, но и обидно, потому что теперь выбираться с поля предстояло в одиночку. Он чувствовал себя так, словно его бросили в беде. Обида сменилась вспышкой злости, а потом все прочие чувства сменил страх. Артем не верил, что сумеет выползти с поля один. Он даже не мог заставить себя сдвинуться с места. Казалось, стоит вытянуть руку или поменять положение, как наткнешься на мину или навлечешь на себя огонь. Рано или поздно, конечно, все равно пришлось бы ползти дальше, но сначала произошло то, чего Артем никак не ожидал.

Земля качнулась, где-то вдали ахнуло, и вдруг от края горизонта через все небо полетели рядами огненные осы, нагоняя друг друга. Артем схватился за землю, уходящую из-под него. Это били «грады» — били по обнаруженным

вражеским позициям. Пока над головой пронесился этот гудящий шквал, было такое ощущение, что ты стал необычайно легким, почти невесомым, и тебя вот-вот вскинет в воздух и понесет следом за пылающими стрелами, как мусоринку, втянутую смерчем от мчащейся фуры.

Ракеты дружно валились в посадку, утонувшую в дыму. Долгая и конвульсивная ударная волна долетела до Артема, пригнула траву и обдала пылью. Он сел, повернувшись в сторону посадки. Когда грязная туча осела, стало видно, что цветущих деревьев не осталось — осыпались.

— Неслабо жажнули, — сообщил Артем Миرونу, как будто тот мог его слышать.

Больше не с кем было поделиться впечатлениями от увиденного и пережитого, а эмоции переполняли и были столь сильны, что Артема била нервная дрожь. Он посидел, успокаиваясь. В какую сторону податься? В ту сторону, откуда ударили «грады»? К раздолбанной посадке? Вперед? Назад?

— Что скажешь, Мирон? — спросил Артем. — Куда двинем?

Ответом было молчание. С осколком в темечке не до разговоров.

— Ладно, — сказал Артем. — Тогда пока. Я тебя не понесу, извини. Только намучаюсь, а потом все равно брошу. Далеко. И не в кино мы. Это жизнь, братка. Хотя для тебя уже нет. Извини.

Артем поднялся во весь рост, озираясь. В отдалении сидел тот самый пес, который подвел их под монастырь, выдав их местонахождение. Он часто дышал, приветливо склонив голову набок и вывалив розовый лоскут языка.

— Иди сюда, — позвал Артем. — Жрать хочешь?

Пес жрать хотел, очень хотел и не скрывал этого. Гавкнул, сглотнул и потрусил на зов. Артем скормил ему немного шоколада и два печенья. В карманах Мирона ничего

съестного не нашлось. Артем забрал мобильник, банковские карты, документы и сказал псу:

— Веди, Сусанин. Я тебя покормил? Покормил. Отработывай давай.

Сусанин сел на тощую задницу, просительно заглядывая Артему в глаза.

— Нет ничего. — Артем развел руками и заодно подвесил автомат поудобнее. — Если к нашим выведешь, я тебя так накормлю, что пузо лопнет. А теперь пошли. Степ бай степ, понял? Переставляй лапы. Давай, давай.

Он тронул пса носком ботинка. Тот вздохнул и припустил рысью, оглядываясь. Артем зашагал следом, стараясь не отклоняться в стороны. Дистанцию он соблюдал приличную, на тот случай, если четвероногий проводник подорвется. Он шел и не оглядывался назад, потому что не было там ничего такого, на что хотелось бы смотреть. Война для Артема Дергача закончилась. Был май. Время близилось к вечеру.

ГЛАВА 2

ДУРМАН-ТРАВА

Когда-то школа носила имя какого-то пионера-партизана. Впоследствии ее переименовали в общеобразовательную гимназию «Век», отчего она сама по себе не изменилась. Преподавать в ней остались те самые унылые тетки, озабоченные выживанием, а не тем, как сеять среди учеников разумное, доброе, вечное. Считанные мужчины были плохонькие, заурядные, не пользующиеся ни авторитетом, ни популярностью. Однако выпускной вечер словно окутал все это общеобразовательное убожество некой волшебной пеленой, скрадывающей неприглядные детали и вышибающей слезу умиления.

Вестибюль с обшарпанными колоннами и мутными зеркалами украсили гирляндами бумажных цветов. В спортивном зале составили столы и накрыли их белой материей. В коридорах развесили воздушные шары и поздравления, выведенные на бумаге малярной кистью. На сцене актового зала вывесили малиновый плюшевый занавес с кистями.

Родители хлопали, учителя кисло улыбались, ученики торжественно вскидывали руки с аттестатами. Все это было озвучено хитами десятилетней и даже двадцатилетней давности, неразборчиво гремящими из динамиков. Были прочитаны соответствующие стихи (про то, что «уж осталось нам немного, впереди у нас дорога»), спеты две песни на стихи завуча Юлии Александровны Плющ, произнесены витиеватопутанные речи, вручены букеты и памятные подарки. На этом

торжественная часть закончилась. Большую часть родителей (не входящих в родительский комитет) спровадили по домам, остальные расселись за столами, а выпускникам милостиво позволили топтаться в дальнем углу, который по замыслу устроителей должен был изображать танцпол дискотеки.

Желающих выставить себя на посмешище нашлось немного. Большинство выпускников как-то незаметно рассеялось и растворилось в ночи. Кто отправился в клуб, кто — на вечеринку, кто просто вызвался гулять до утра.

В последнюю категорию попала Лиля Ивлева. Это была довольно высокая девушка со жгучими — как говорили в старину — глазами, точеной фигурой и манерой надменно выпячивать нижнюю губу. На самом деле привычка была порождена не чувством превосходства, а осталась с детства и давно стала частью Лилиной натуры. На самом же деле она была довольно застенчива и постоянно штудировала статьи о том, как выработать решимость, обрести твердый характер и научиться говорить «нет».

Была ли она красива? Да, как каждая молодая девушка, ведущая здоровый образ жизни, выросшая в благоприятных условиях и не отягощенная слишком уж плохой наследственностью. Спортом Лилия не занималась, хотя примерно раз в месяц, придирчиво осмотрев себя в зеркале, могла отправиться на пробежку или в гимнастический зал. Одевалась не стильно, но модно, то есть как все вокруг. Если бы это было в ее силах, она удлинила бы себе ноги и уменьшила грудь, создающую проблемы при выборе купальников и общении с парнями. Они вечно пялились на Лилин бюст и тянули к нему руки, что являлось для нее скорее раздражающим, чем обнадеживающим фактором. Она не спешила замуж и не приходила в умиление при виде детей. Сначала нужно было выучиться на медика, устроиться на хорошую работу, а там уже встретить того замечательного мужчину, от которого захочется заиметь ребенка.

Родителям такая рассудительность дочери нравилась. Они гордились Лилей и постоянно ставили ее в пример старшей сестре, которая успела родить ребенка, сменить двух мужей и бог знает сколько любовников.

Сестра Лилию ненавидела и звала непорочной девой. Возразить на это было нечего. Не могла же Лиля признаться, что с невинностью она рассталась еще на прошлых летних каникулах, когда родители имели неосторожность отправить ее в молодежный лагерь. Все произошло так внезапно и быстро, что она не успела ни подготовиться, ни испугаться, ни включить так называемую девичью гордость. Целовалась-целовалась, а потом как-то вдруг лишилась и трусов, и девственности, именно в такой последовательности. Самое обидное, что не было ни любви, ни даже романтических чувств. Парень был смазливый, но страшно глупый, провонявший никотином. Как Лиля повелась на его нехитрые уловки, непонятно. После той ночи ей пришлось придумать себе болезнь, чтобы уехать домой и не встречаться с соблазнителем, который, разумеется, растрепал о своей победе всем друзьям, провожавшим Лилию взглядом голодной собаки.

Психологической травмой тот случай для нее не стал. Напротив, она была довольна, что увидела любовь с изнаночной стороны. Это позволило ей относиться к мужскому полу предвзято и с изрядной долей здорового скептицизма. Какие-нибудь наивные девчонки, очертя головы, бросались в омут любовных отношений, а потом выныривали оттуда с ошарашенным видом и положительными результатами тестов на беременность. Лиля же сохраняла расчетливое хладнокровие и не торопилась отдаваться ухажерам, точно зная, что никаких сногшибательных ощущений и переживаний в постели не будет.

Когда Лиле предложили смыться с выпускного вечера и прогулять в парке, она без колебаний согласилась. Это было безопасней и разумней, чем тащиться за город к кому-нибудь

на дачу или скакать до утра в ночном клубе. Лиля твердо для себя решила, что никто из одноклассников ей в будущей жизни не понадобится, поэтому незачем тратить на них время. Тем не менее нельзя было вот так взять и резко отвернуться от всех тех, с кем на протяжении десяти лет постоянно терся рядом. Совместная прогулка была лучшим способом отдать должное общему прошлому, а потом выбросить его из головы.

Они отправились на поиски приключений вшестером. Когда Саша Беляев побежал в магазин за добавкой, их оставалось уже только четверо — Сашок, Лилия, Алиска Щукина и изрядно захмелевший Костя Шулявин. Алиса все уговаривала своего ненаглядного Костика не отключаться и в конце-концов вызвалась сопровождать его домой, так что Сашку и Лиле пришлось допивать ликер вдвоем. Напиток был сладкий, теплый и совершенно не хмельной, как она отмечала всякий раз, допивая свою порцию из мягкого прозрачного стаканчика.

— Ты куда поступать собираешься? — спросил Саша.

Они сидели на широкой скамье без спинки, прикрытой со всех сторон высокими кустами с мягкими метелками вместо листьев. От озера тянуло сыростью и гнилью, там утробно вскрикивали и икали лягушки. Большая бутылка ликера стояла на скамье твердо и увесисто, не оставляя сомнений в том, что она должна находиться здесь этой теплой июньской ночью, когда все по-взрослому и все позволено.

— В медицинский, — сказала Лилия. — На платный. Без денег туда нечего и соваться. Конкурс — тридцать человек на место.

— А я в бизнес пойду, — сказал Саша. — У меня брат лекарства по аптекам распахивает. Я прошлым летом занимался, у меня нормально получалось. До сих пор при деньгах.

Белая рубаша на нем сидела пузырем, но была явно дорогая, как и брючки и туфли из мягкой черной кожи. Он благоухал хорошим парфюмом и носил золотую цепочку, заманчиво поблескивавшую в темноте.